ГОГОЛЬ.

— М. Б.

22/II № 53. 1902.

I.

Гоголь... При этомъ незабвенномъ для нашей литературы имени невольно возстаютъ предъ глазами дивно-очерченные, знакомые каждому болѣе или менѣе грамотному, герои безсмертныхъ *Мертвыхъ Душъ* и *Ревизора*, возстаютъ также и полныя поэтическихъ красотъ дѣйствующія лица *Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки*, выхваченныя изъ жизни благословенной Украйны.

Въ этомъ-то краю,

„Гдѣ все обильемъ дышетъ,
„Гдѣ рѣки льются чище серебра,
„Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
„Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора",—

и появился на свѣтъ въ ночь съ 19 на 20 марта 1809 г., въ небольшомъ мѣстечкѣ Сорочинцахъ (Миргородскаго уѣзда), въ семьѣ полтавскаго помѣщика Василія Аѳанасьевича Гоголя, третій сынъ (послѣ двухъ родившихся мертвыми), котораго, по желанію матери, назвали Николаемъ.

Супруги Гоголи обыкновенно жили въ своемъ родовомъ имѣніи Васильевкѣ, въ старомъ низенькомъ домикѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ тѣнистымъ садомъ; туда очень часто съѣзжались близкіе и дальніе сосѣди, привлекаемые какъ рѣдкимъ хлѣбосольствомъ хозяйки, такъ и особенно затѣйливыми разсказами хозяина, человѣка въ высшей степени остроумнаго и неистощимаго балагура. Здѣсь-то, среди этихъ сосѣдей, будущій великій юмористъ могъ подмѣтить прототипы своихъ Аѳанасіевъ Ивановичей, Ивановъ Никифоровичей, Шпонекъ, Голопузей и другихъ, столь рельефно имъ выставленныхъ впослѣдствіи.

Получивъ, такимъ образомъ, какъ бы въ наслѣдство отъ отца даръ увлекательнаго разсказчика и страсть къ драматургіи, будущій великій писатель воспринялъ отъ своей, беззавѣтно любившей его, матери горячее религіозное чувство, также не оставлявшее его въ теченіе всей жизни.

Двѣнадцати лѣтъ маленькаго Гоголя родители отправили въ Нѣжинъ, въ только-что открывшійся Лицей князя Безбородко, далеко не отличавшійся на первыхъ порахъ образцовымъ устройствомъ. Программа лицея, правда, была очень обширна (въ нее входило 25 предметовъ), но эта-то самая чрезмѣрная обширность программы, а главное крайне слабый составъ преподавателей сильно препятствовали болѣе или менѣе основательному прохожденію курса. Особенно былъ плохъ учитель русскаго языка, не терпѣвшій поэтовъ послѣ Державина и глубоко презиравшій Пушкина, котораго онъ частенько называлъ „мальчишкой, недозрѣлымъ выскочкой".

Дисциплина въ лицеѣ поддерживалась также крайне слабо, главнымъ образомъ, вслѣдствіе чрезмѣрной мягкости директора Орлая, привыкшаго смотрѣть сквозь пальцы на недостатки своихъ воспитанниковъ.

Худенькій, болѣзненный Гоголь первое время очень сильно тосковалъ по родной Васильевкѣ, дичился своихъ новыхъ, шумливыхъ товарищей и тѣмъ подавалъ нерѣдко поводъ къ ихъ насмѣшкамъ и обидамъ, которыхъ онъ не могъ отразить по своей слабости; однако, съ теченіемъ времени, съ нѣкоторыми изъ лицеистовъ онъ сблизился, а прочимъ своимъ обидчикамъ сталъ такъ ѣдко и остроумно отвѣчать, что шутникамъ приходилось только прикусывать ихъ язычки. Напримѣръ, одного изъ наиболѣе нападавшихъ на него товарищей онъ прозвалъ за короткіе волосы „Разстригою Спиридономъ", а въ день его именинъ повѣсилъ въ залѣ транспарантъ съ изображеніемъ чорта, стригущаго дервиша, и со слѣдующимъ акростихомъ:

„Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище дервишей всѣхъ,
Инокъ монастыря строптивой,
Разстрига, совершившій грѣхъ.
И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О, чтецъ, имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй".
(Спиридонъ).

Много можно было бы привести примѣровъ подобныхъ шаловливыхъ выходокъ юноши Гоголя, скоро превзошедшаго всѣхъ своихъ товарищей въ умѣньи провести учителя, запустить спящему въ носъ понюшку табаку или снабдить своего обидчика мѣткимъ прозвищемъ.

Вслѣдствіе указанныхъ раньше порядковъ, или, правильнѣе, безпорядковъ Лицея, Гоголь могъ безпрепятственно лѣниться, и дѣйствительно лѣнился, не обращая при этомъ ни малѣйшаго вниманія на плохія отмѣтки по математикѣ и языкамъ; только русскою словесностью и рисованіемъ занимался онъ болѣе или менѣе усердно. Благодаря, однако, своимъ хорошимъ способностямъ и отличной памяти, даровитый юноша могъ въ теченіе мѣсяца пройти все запущенное въ году и безпрепятственно переходить въ слѣдующіе классы.

Такъ какъ при подобномъ занятіи науками у большинства лицеистовъ оставалась масса свободнаго времени, обыкновенно посвящавшагося ими шалостямъ и кутежамъ, то вполнѣ понятно, что директоръ съ большимъ сочувствіемъ встрѣтилъ иниціативу Гоголя въ устройствѣ домашнихъ спектаклей. Декораціи и кулисы для представленій приготовлялись самими актерами, среди которыхъ, кромѣ иниціатора, великолѣпно изобразившаго сначала Еремѣевку, а потомъ Простакову изъ *Недоросля*, болѣе талантливыми считались: Кукольникъ, будущій авторъ историческихъ драмъ, участвовавшій по большой части въ трагическихъ роляхъ, и красавецъ Данилевскій, ближайшій другъ Гоголя, игравшій Антигону и прочихъ классическихъ героинь.

Эти лицейскіе спектакли посѣщались не только Нѣжинцами, но и пріѣзжими, единогласно признававшими превосходство ученическаго театра предъ тогдашними провинціальными сценами.

Кромѣ театра, юноша Гоголь во время своего пребыванія въ Лицеѣ также очень увлекался чтеніемъ: въ складчину съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей онъ выписывалъ изъ столицъ сочиненія Жуковскаго, Дельвига и особенно Пушкина, стихи котораго приводили юныхъ читателей въ полный восторгъ. Хранителемъ этихъ книжекъ былъ выбранъ Гоголь, очень ревностно относившійся къ своей обязанности: онъ не только требовалъ, чтобы взявшій книгу садился на опредѣленное мѣсто и не вставалъ съ него, пока не кончитъ, но, чтобы не пачкать при перевертываніи страницъ, каждому читающему надѣвалъ на пальцы бумажные колпачки.

Постепенно, съ развитіемъ вкуса къ литературѣ, стали появляться среди лицеистовъ самостоятельные авторы: такъ Гоголь еще въ младшихъ классахъ написалъ не дошедшую до насъ балладу *Двѣ рыбки*, посвященную его умершему брату, а потомъ трагедію *Разбойники*, большую повѣсть *Братья Твердиславичи* (подражаніе повѣстямъ Марлинскаго) и нѣсколько стихотвореній.

Когда этихъ ученическихъ произведеній накопилось достаточное количество, то юныхъ авторовъ соблазнила мысль издавать собственный рукописный журналъ; сначала ими былъ выпущенъ, подъ редакціей и издательствомъ Гоголя, альманахъ *Сѣверная Лира*, а потомъ подъ его же руководствомъ начинающіе литераторы принялись за изданіе ежемѣсячнаго журнала *Метеоръ Литературы*. Къ сожалѣнію, ни статьи, ни экземпляры этихъ школьныхъ изданій до насъ не дошли; извѣстно только, по словамъ друзей Гоголя, что произведенія, помѣщаемыя въ журналѣ, писались очень напыщеннымъ слогомъ и были преисполнены риторики.

Неожиданнымъ и тяжелымъ ударомъ, разразившимся надъ головой беззаботнаго пятнадцатилѣтняго лицеиста Гоголя, явилась смерть его отца, повергшая на первыхъ порахъ всю семью въ полное разстройство. Самъ Гоголь, если судить по его письмамъ, встрѣтилъ это горестное извѣстіе довольно твердо, но наединѣ съ собою онъ, безъ сомнѣнія, понялъ всю тяжесть обрушившагося несчастья, и съ тѣхъ поръ его мысли о самостоятельной жизни стали принимать болѣе опредѣленный характеръ: ему казалось, что служба въ столицѣ, по Министерству Юстиціи, вполнѣ удовлетворитъ его стремленіямъ быть истинно-полезнымъ для человѣчества, такъ какъ „неправосудіе, по его собственному признанію, болѣе всего разрываетъ его сердце".

Отъ подобныхъ мечтаній о своей будущей петербургской жизни юношѣ Гоголю, однако, въ виду близости выпуска, приходилось постоянно отрываться и снова засаживаться за учебники; съ ужасомъ замѣчалъ онъ свои ничтожныя познанія по всѣмъ предметамъ, такъ какъ даже по-русски писалъ слабо и въ орѳографическомъ, и въ стилистическомъ отношеніи.

Послѣ лихорадочной шестимѣсячной работы ему удалось кое-какъ пополнить пробѣлы своего образованія; выдержавъ выпускной экзаменъ по второму разряду, съ правомъ 14-го класса, онъ покинулъ со своимъ товарищемъ Данилевскимъ въ декабрѣ 1828 года надоѣвшій ему Нѣжинъ.

II.

Съ сильнымъ и понятнымъ нетерпѣніемъ стремились молодые провинціалы поскорѣе пріѣхать въ представлявшую имъ столько заманчивыхъ перспективъ Сѣверную Пальмиру. Гоголь, постоянно высовывавшійся изъ окна экипажа, чтобы первому увидать Петербургъ, даже отморозилъ себѣ носъ и получилъ насморкъ.